

из седла. Наоборот, в этот период появилась целая серия работ Ж. Т. Тощенко о власти, парадоксальном человеке, кентавризме...

Номенклатура специальностей по социологическим наукам – тоже его сочинение. А еще он главный редактор двухтомного «Тезауруса социологии» – главного средства систематизации социологических знаний. Уже более 20 лет он уверенным курсом ведет лучший наш профессиональный журнал «Социологические исследования». Возглавив научный совет Отделения общественных наук Российской академии наук «Новые явления в общественном сознании и социальной практике», Ж. Т. Тощенко возродил серию книг «Новые идеи в социологии».

Его собранность, спокойствие и внутренняя сила поражают. Искренен и доброжелателен, всегда внимателен к собеседнику, никогда не перебивает и не унижает. В общении немногословен, не способен лукавить... Никогда никого не распекает и не осуждает... Если есть совесть, сам поймешь, что лучше включаться в работу и пахать, как он. Поддерживает молодых и всячески содействует их продвижению, в том числе учеников, которых сам подготовил к работе и жизни в обществе.

И я думаю, что в день своего славного юбилея, оглядываясь назад, Жану Терентьевичу Тощенко совершенно не стыдно за прожитые годы, наоборот, есть все основания гордиться своим прошлым и настоящим. А будущее – за учениками, которые, верится, достойно продолжают дело своего УЧИТЕЛЯ.

С юбилеем, дорогой Жан Терентьевич, земляк, товарищ и друг. Здоровья, счастья и благополучия. Ждем новых открытий и побед...

А. Н. Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси

СОЦИОЛОГОМ МЕНЯ СДЕЛАЛА СИБИРЬ

(интервью член-корреспондента Российской академии наук, доктора философских наук, профессора Ж. Т. Тощенко главному редактору журнала «Социология» профессору А. Н. Данилову)

Глубокоуважаемый Жан Терентьевич, примите от белорусских социологов самые теплые, братские поздравления по случаю Вашего юбилея – 80-летия со дня рождения, а также слова искренней благодарности за Ваш весомый вклад в развитие отечественной социологической науки и образования, неустанный подвижнический труд, понимание и поддержку. В профессиональном сообществе Вас хорошо знают и искренне уважают. Ваши научные труды пользуются высоким авторитетом, а первый отечественный профессиональный научный журнал «Социологические исследования», главным редактором которого Вы являетесь два десятилетия, остается для социологов надежным компасом в мире науки. Очень признательны Вам, дорогой Жан Терентьевич, что, несмотря на большую занятость, любезно согласились ответить на наши вопросы.

– Хотелось бы начать наш разговор с размышлений, навеянных нашими, к сожалению, редкими, но очень важными для меня беседами, знакомством с Вашими научными трудами, некоторыми вехами биографии. Она у Вас богата на события, и видно, что Вы никогда не полагались на судьбу и всегда имели мужество самостоятельно делать выбор, строить свою жизнь. Колоссальный опыт не затмил в Вас романтика-шестидесятника, а талант ученого, социального аналитика, с годами только прирастал трудолюбием и усердием. И главное – нравственный выбор, который сформировался в далеком трудном, опаленном войной детстве, осознанием живительной силы человеколюбия, благородства и правды. Может быть, поэтому в Ваших научных исследованиях Его Величество человек стал началом и центром общественного развития и никакая сиюминутная выгода или конъюнктура никогда не позволяли пренебречь научной истиной. Человек с биографией,

социальный мыслитель и практик, что сегодня редкость, Вы многое делали в жизни вопреки собственной карьере. Как оцениваете свое былое с высоты прожитых лет и что, собственно, для Вас жизнь?

– Заканчивая среднюю школу, я не знал ничего ни про социологию, ни про то, что есть такая профессия – социолог. Но понимал, что хочу посвятить жизнь служению людям, строительству нового общества, за что так ратовали мои родители, сельские учителя, и за что погиб мой отец – комиссар одного из партизанских отрядов, формирующихся в 1941 г. на Брянщине. И несмотря на мои успехи в математике (призер ряда олимпиад) и к огорчению моей учительницы по математике Александры Федоровны Юрченко, я поступил на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Это был первый в жизни парадокс, который я, конечно, не осознавал: быть математиком, а стать обществоведом. Я искренне считал, что история, в частности история СССР и КПСС, это предмет, который мне поможет в будущей профессиональной деятельности – участвовать в строительстве нового общества. Именно поэтому я не просто не чурался общественной работы, а активно участвовал во всех мероприятиях, был комсоргом, членом курсового бюро и факультетского комитета комсомола. И вполне логично, что после окончания МГУ им. М. В. Ломоносова являлся Сталинским (Ленинским) стипендиатом и, имея все основания остаться в аспирантуре, по комсомольской путевке уехал в Красноярский край на строительство железной дороги Абакан – Тайшет (это еще один мой парадоксальный поступок). Затем была комсомольская работа в Хакасской автономной области, а потом в Красноярске. Но именно эти годы определили мою дальнейшую специальность – социолог, так как меня с первых дней работы, а в дальнейшем и при посещении комсомольскихстроек, постоянно мучили вопросы: почему не решаются социальные проблемы молодежи? почему нет условий для продолжения учебы? почему негде удовлетворить свои духовные потребности? почему в течение многих лет молодые люди ютятся по балкам (временкам), баракам, а нередко и в палатках? И я решил ответить на эти вопросы не через партийную карьеру, которая была вполне возможна (в 25 лет я был избран первым секретарем Хакасского обкома ВЛКСМ, что было большим достижением в политической биографии), а став научным работником (еще один парадокс). К этому времени, начало 1960-х гг., заговорили о конкретных социологических исследованиях. Помог этому и субъективный фактор: после поступления в Академию общественных наук при ЦК КПСС на вновь создаваемую кафедру научного коммунизма с социологической лабораторией во главе с одним из первых исследователей СМ И. Г. Петровым меня пригласил академик, ректор академии Г. П. Францев.

Из всего этого пространного экскурса в свою судьбу могу сделать вывод, что я самореализовывался через парадоксальные поступки, хотя эта самореализация, эта самоактуализация проходили под мощным воздействием как самой жизни, так и сопутствующих обстоятельств.

– Что для Вас значит свой род, национальность, гражданство, культура? Удастся ли Вам сегодня находить время для того, чтобы хоть иногда побывать на малой родине, прикоснуться к своим первоистокам, пройтись по знакомым с детства тропкам, поклониться родным могилам, поговорить с односельчанами на «своем» русском... кстати, с белорусскими вкраплениями?

– В августе 2014 г. я вместе с сыновьями посетил родину моей матери Тощенко (Макаровой) Полины Кирилловны – д. Мокрые Нивы Велижского района Смоленской области и родину отца Тощенко Терентия Сидоровича – с. Ленино (Поповка) бывшего Тереховского района Гомельской области, которое расположено на стыке трех государств – России, Беларуси и Украины (недалеко оттуда стоит символ дружбы трех народов, о чем я сейчас вспоминаю со вздохом). Отец в своей биографии указывал, что он белорус. Но мое детство прошло уже на Брянщине, куда моих родителей направили учительствовать и где в д. Павловка я появился на свет. Этот район тоже был на стыке трех республик и отличался такой смесью культур и такой смешанной лексикой, что, когда я поступил как медалист в МГУ им. М. В. Ломоносова, со мной случился следующий эпизод. Профессор А. Г. Бокщанин, потомственный московский интеллигент и преподаватель старой закалки (читал лекции по истории Древней Греции и Древнего мира), требовал от нас знания огромного

количества дат, эпизодов, событий. Спрашивал на экзамене он долго. Но так как я, вероятно, не допустил ни одной крупной ошибки, он поставил мне «отлично» и сказал, что если я буду на государственном экзамене на 5-м курсе отвечать таким «варварским» языком, то отличную оценку не получу.

...К сожалению, этих деревень уже нет. Моя д. Павловка исчезла вскоре после чернобыльской трагедии и сейчас на ее месте заросли чернолесья, как и на полях, где я вместе с такими же подростками пахал землю, возил снопы, косил траву и убирал сено, пас коней (с войны из 125 мужиков и парней, служивших в Красной армии или воевавших в партизанских отрядах, вернулся всего 21). Сейчас место моего детства производит очень грустное впечатление – следов деревни не осталось, есть только кладбище, которое существует только благодаря заботам тех, у кого там есть родные могилы (и моего отца тоже).

– Рано или поздно человек находит свое призвание в жизни. Когда Вы поняли, что Ваше призвание – гуманитарные науки, а тем более – социология? Как получилось, что Вы попали в «эпицентр» ее возрождения? Все начиналось в столице, или же «Москва – социологическая провинция»?.. Чем притягивала эта загадочная, а для кого-то опасная, наука социология самых активных и талантливых молодых ученых и практиков?

– Когда меня спрашивают, как я стал социологом (окончил истфак МГУ, учился на экономиста – заочно – в Иркутском институте народного хозяйства, получил философское образование в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС), отвечаю однозначно: «Социологом меня сделала Сибирь». 18 лет, отданных этому прекрасному краю, меня волновал вопрос: почему гигантские по масштабам экономические преобразования (строительство новых городов, предприятий, освоение новых природных богатств) не сопровождались адекватными решениями социальных проблем приехавшей туда молодежи. Сначала я попытался ответить на этот вопрос при помощи экономической науки и даже учился на экономиста, но со временем понял, что надо искать ответ в анализе социальных проблем общества и человека. Поступив в аспирантуру, я думал, что займусь именно социальными проблемами молодежи Сибири, но в связи с тем, что ректор академии рекомендовал меня на созданную им кафедру научного коммунизма с социологической лабораторией в ее составе, произошла некоторая трансформация моих научных поисков, что потом вылилось в изучение и реализацию социального планирования, и в первую очередь – на предприятиях. Именно в эти годы я ездил знакомиться с работой социологов в Институт комплексных социальных исследований при Ленинградском университете, где встретился с инициаторами планов социального развития на научно-производственном объединении «Светлана» В. Я. Ельмеевым, В. Р. Полозовым, Юценко. К эмпирическим исследованиям меня подвигли выступления тогда молодых исследователей В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова, которые приезжали в АОН с лекциями для желающих приобщиться к новой науке. Если подвести итог, можно сказать: к этой профессии меня привели потребности реальной жизни, что потом оформилось при помощи научного приобщения к методам ее познания.

– И как за время Вашей работы менялась социология и отношение к ней? Есть ли у Вас уверенность, что нынешняя власть в России знает общество, в котором живет и работает? Все хорошо помнят слова Ю. В. Андропова, сказанные после избрания его Генеральным секретарем ЦК КПСС, о том, что мы не знаем своего общества. Уже в постсоветской России Вы написали интересную серию книг о власти... Как Вы думаете, могла ли социология предупредить трагедию распада советского государства? Какие уроки восприняты нынешней властью в отношении науки, и в частности социологии, чтобы все же упреждать проблемы, а не восстанавливать затем разрушенное.

– Я был свидетелем, как постепенно социология завоевывала право на то, чтобы с ней считались. В беседе с профессором Б. З. Докторовым я высказал мысль, которая стала заголовком интервью: «Социология возродилась в нашей стране как политическая витрина». Парадоксально, но факт: в конце 1950-х гг. советские ученые впервые были представлены делегацией (состоявшей в основном из философско-истматчиков) на очередном Всемирном социологическом конгрессе, после которого решили создать Советскую социологическую ассоциацию во главе с Ю. П. Францевым.

И она возникла в 1958 г. как олицетворение социологической науки в СССР, хотя в то время во внутреннем научном пространстве не было ни одного, даже маленького, подразделения, которое бы содержало в своем названии слово «социологический».

Даже когда в конце 1950-х – начале 1960-х гг. возникли первые, по сути, социологические подразделения (отдел труда и быта рабочих в Институте философии во главе с Г. В. Осиповым, Институт при Ленинградском университете и другие подразделения), юридически они не именовали себя социологическими. Начался сложный процесс поиска компромисса – употреблялись слова «социальные», «конкретные социальные», «комплексные социальные», что уже случилось в 1970-е гг., когда началось интенсивное появление социологических служб, лабораторий, секторов, отделов. И могу сказать, что большинство социологов сразу же столкнулись с неприятием результатов их работы. Суть нашей работы состоит в том, чтобы вскрывать резервы, показывать и обнажать проблемы, говорить об упущенных возможностях, недостатках в работе, опираясь на данные, полученные в процессе эмпирических исследований. Многим, в том числе и партийным руководителям, такой подход не нравился. Они желали, чтобы социологи в результате своих изысканий говорили о том, как правильно и успешно ведутся дела на предприятии, в городе, области, республике. А тут на тебе: слышать, что есть упущения, недоработки, проблемы, которые говорят о несовершенстве руководства управляемым объектом и необходимости его улучшать, изменять, перестраивать. Вот тут кое-где и начались репрессии против социологов, и не только в Ленинграде в отношении В. А. Ядова, а в Москве – в отношении Ю. А. Левады, но и во многих других городах. Причем давление шло с двух сторон: со стороны партийного руководства и со стороны начетчиков от марксизма. Что касается первого, то у меня есть личный пример: в конце 1960-х гг., когда я работал в Красноярском крае, меня пригласил тогдашний первый секретарь крайкома КПСС А. А. Кокарев и сказал: «Меня тут проинформировали, что ты ходишь по предприятиям, раздаешь какие-то листки и спрашиваешь мнения рабочих о делах производства. Зачем тебе это? Если хочешь знать, что интересует работников, ходи на их производственные собрания – и ты узнаешь всю правду-матку». Но поскольку он был мудрым человеком, то, высказав претензии, все же не стал запрещать проводить социологические исследования, как это сделали другие его коллеги, как, например, в Москве, где на дух не переносил работу социологов ни В. В. Гришин, тогда первый секретарь МК КПСС, ни его окружение, ибо была установка: «в Москве все прекрасно», «Москва – образец для всей страны», «только Москва рождает почины». Вот почему я иногда называю Москву тех лет «социологической провинцией», так как практически все московские социологи стремились проводить свои исследования где угодно, но только не в Москве.

Если же говорить о начетчиках от марксизма, то мне приходилось слышать такие замечания даже на самом высоком уровне: «Почему вы говорите о недостатках, проблемах рабочего класса? Рабочий класс у нас передовой, образцовый, успешный, а вы принижаете его и его роль своими исследованиями».

Но вместе с тем можно сказать, что социология начиная с 1960-х гг. постепенно, через всевозможные препятствия все же завоевала право говорить и доводить свои данные до руководителей разного уровня. Как социологу мне больше всего нравилось работать с руководителями предприятий, которые наиболее доброжелательно относились к нашим рекомендациям. Сейчас в России практически ни в одном государственном учреждении не обходятся без данных социологов. Фактически нет ни одной газеты, журнала, передачи на телевидении и радио, не говоря уже об интернете, чтобы в той или иной форме не приводились социологические данные. Правда, есть одно «но». Эта информация нередко используется как инструмент манипулирования, или в лучшем случае используется то, что нравится заказчику / потребителю. В целом ситуацию с социологией я характеризую так: нас слушают, но далеко не всегда слышат.

– Здесь возникает большая проблема некоторого запаздывания теоретического обобщения новых общественных явлений, проявившихся в период системной трансформации, перехода к рыночным отношениям, суверенизации бывших республик, управления рисками... Тем более что путь механического заимствования западных теорий оказался совершенно непродуктивным.

– Да, в целом идет запаздывание теоретического осмысления происходящих коренных изменений, преобладают небольшие эмпирические исследования. Даже те опросы, которые проводят Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-центр, Фонд общественного мнения (ФОМ), отвечают на злободневные потребности общественного развития страны, но не всегда делаются попытки подняться на высокий уровень теоретического обобщения. Но вместе с тем нельзя сказать, что такие теоретические поиски отсутствуют. Я могу назвать многолетнее исследование Н. И. Лапина, посвященное модернизации, о котором мы сообщали в СОЦИС. Это уникальное исследование, дающее ответы на реальную оценку всех перипетий модернизации, происходящей в России в целом и в ее регионах. Я считаю, что это крупное достижение как теоретического, так и прикладного плана.

Ряд уникальных исследований провел и Институт социологии РАН, который работает по крупным проблемам – идентичности, роли среднего класса (слоя), качества жизни и др. Вот уже почти 20 лет ведет свои исследования в рамках концепции устойчивого развития В. К. Левашов. Интересен проект Н. Е. Покровского о судьбах Русского Севера.

Тешу себя надеждой, что мое прочтение парадоксальности, кентавризма, фантомности в российском обществе обогащает наши представления об общественном сознании, по-новому освещает реальные процессы, происходящие в российском обществе. Именно попытки найти особые формы осуществления социальных практик привели к подготовке и публикации такого феномена, который я назвал особыми ликами власти – этнократии, теократии, охлократии как в историческом контексте, так и в реальных формах его существования в России и многих постсоветских республиках.

Поэтому я не согласен с социологами, которые утверждают, что теоретической социологии в России нет, и ориентируются только на концепции наших западных коллег. Такой подход приводит к тому, что их ученики и некоторые молодые последователи перестали обращаться к тому, что содержит в себе не только современная отечественная социология, но и социология XIX и начала XX в.

– Вас отличает умение видеть новые явления в общественной жизни и социальной практике, стремление разобраться и понять их природу, теоретически осмыслить и достаточно точно дать прогноз дальнейшего развития общества. Вы обладаете прямо-таки бесстрашием и необыкновенной твердостью в отстаивании научного результата. А говорить правду во все времена было очень непросто и к тому же опасно. Вспоминается Ваша смелая серия работ с анализом политической жизни России на грани XX–XXI вв., таких форм политической власти, как этнократия, теократия и технократия. Особенно я бы отметил Вашу книгу «Теократия: фантом или реальность?» (2007), наделавшую много шума, но заставившую общество серьезно задуматься над природой светской власти и ответственности перед народом. Затем последовали крупные и оригинальные работы «Парадоксальный человек» (второе издание – 2008), «Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа)» (2011), только что вышедшая книга «Фантомы постсоветского общества» (2014). Где Вы черпаете новые идеи, каким Вы видите современное общество и место нашей науки в нем?

– Сила настоящей социологии в том, что она опирается на исследования реальной жизни, реальных процессов. Все мои идеи имели первотолчек в проведении эмпирических исследований, в осмыслении их результатов. Как появилась моя монография «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития» (М., 1980)? Изучая проблемы становления новых производственных коллективов, жизнь молодежи на многочисленных комсомольских стройках того времени, я обнаружил отсутствие всякой нормативной базы для решения жизненных проблем человека. Если при технико-экономическом обосновании действовали достаточно строгие, точные и выверенные нормы, правила, требования, то в социальном смысле был полный произвол, а то и вообще игнорирование социальных аспектов жизни. По подсчетам экспертов, на строительстве Красноярской ГЭС из-за игнорирования таких социальных аспектов, как жилье, детские учреждения (ведь на эту стройку приезжала в основном молодежь), возможности для учебы, отдыха, культурного времяпровождения и т. д., потери в экономическом выражении были не меньшими, чем затраты на

строительство самой гидростанции. Получался порочный круг. Приезжали молодые люди, их обучали, они приобретали необходимые навыки, заводили семьи, рожали детей, многим хотелось продолжать учебу, интересно проводить свободное время. Но условий – инфраструктуры – для всего этого не было. Вот и уезжали домой, к родителям, в места, где с устройством повседневной и будущей жизни было определеннее, яснее и надежнее. А на их место приезжали новые молодые люди, и все повторялось. Напомню, в разгар этой стройки в такое состояние дел пришлось вмешаться ЦК ВЛКСМ, разгорелся скандал, было обновлено руководство стройкой. Но для решения этих вопросов требовалось научное обоснование – чего и сколько надо, как рассчитывать, на что ориентироваться. Ведь в молодежном городе Дивногорске детей рождалось в 4–5 раз больше, чем в «старых» городах, и соответственно, должны быть другие Строительные нормы и правила.

Что касается парадоксальности, то этот феномен также был обнаружен в процессе конкретных исследований. Их внимательное прочтение, тщательный анализ показывали, что человек может исповедовать одновременно взаимоисключающие идеи, ориентироваться на противоположные установки, не замечая этого противоречия. И в этой ситуации требовалось понять (а не обвинять), почему сложилось такое парадоксальное положение у людей в процессе их работы, участия в общественной жизни, при решении производственных и личных проблем.

Иначе говоря, нет ничего более богатого и неисчерпаемого, чем сама жизнь. Но ее надо уметь «прочитать», увидеть и открыть скрытые лакуны, проанализировать то, что волнует людей. Без обращения к реальности наши поиски истины рискуют превратиться в малопродуктивную игру ума, в схоластику, заимствование чужих идей, и просто в метание среди подобных мнений.

– Фактически вся Ваша жизнь связана с изучением общественного сознания, человека в обществе переходного типа, фундаментальных и прикладных проблем политической социологии, труда и управления. Колоссальные социальные изменения последних десятилетий существенно «перекодировали» духовный геном современного человека, естественно, они влияют на его миропонимание и, самое главное, на нравственное здоровье. Что реально происходит в умах и сердцах разных социальных групп населения России? Какие тенденции выявляют Ваши исследования, и так ли уж безнадежно наше будущее, как рисуют его некоторые современные аналитики?

– Исследуя проблемы общественного сознания и социальной практики и видя колоссальные противоречия, я остаюсь оптимистом и искренне уверен в том, что мы сумеем решить возникшие проблемы. Речь может идти о том, какой ценой и за какой период времени это можно осуществить. Я не уверен, что это удастся сделать в короткие сроки. Нам надо ориентироваться на то, что волнует и тревожит людей в настоящее время. Главным в общественном сознании стала установка на то, что люди хотят решать свои проблемы сейчас, не откладывая на долгое время в своей повседневной жизни. Повторяю: в повседневной жизни, в отличие от ориентации общественного сознания 40–50 лет тому назад, когда преобладала установка «жила бы страна родная». И в данном изменении ориентации нет ничего зазорного, непонятого или отрицательного. Людей понять можно – они хотят устроить жизнь, не откладывая на потом. И за это их не надо корить, а необходимо всемерно поддерживать. Но на этом пути стало огромное социальное расслоение, базирующееся, по мнению людей, на несправедливом распределении доходов, на неоправданном и непонятном обогащении некоторых групп населения. Немалое место среди этих тревог занимает гарантия личной безопасности, обеспеченности работой. Людей волнует рост цен, неупорядоченность жилищно-коммунальных условий. К этому можно добавить появление новых ликов неравенства, которые проявляются в неодинаковом доступе к получению образования, искажении принципов «социального лифта» (когда выдвижение на престижные места работы происходит не по деловым и профессиональным качествам), а также в серьезной деформации межэтнических отношений, когда «советская дружба народов» осталась в прошлом как исторический факт.

– Хотелось бы отдельно поговорить о роли первого академического профессионального журнала «Социологические исследования», главным редактором

которого Вы являетесь уже два десятилетия, т. е. ровно половину его жизни – со дня выхода первого номера уже в далеком 1974 г. Социологический журнал в России – всегда больше чем журнал. СОЦИС по праву стал зеркалом нашего профессионального сообщества, социологической науки в целом и всех нас, ее представителей на постсоветском пространстве, стал нравственным барометром для профессионалов и путевкой в профессию для молодежи. Как Вы оцениваете настоящее и будущее своего издания?

– Если смотреть формально, то наш журнал занимает одно из первых мест среди российских изданий по многим показателям – объему опубликованных статей, количеству цитирований, всесторонности охвата освещаемых тем. Журнал размещен в базах данных Scopus и Web of Science. Многие наши статьи перепечатываются в журналах Международной социологической ассоциации Sociological Research и Russian Society and Education.

Тем не менее мы все время ищем новые резервы. За годы моего руководства журналом появились рубрики «Историческая социология», «Социология здоровья», «Социологическая публицистика», «Социология международных отношений». Мы постоянно уделяем внимание молодежи, что находит отражение не только в рубрике «Первые шаги», но и в других, так как нередко творчество молодых успешно конкурирует с трудами старших коллег.

– Какое место в Вашей жизни занимает Российская академия наук и как Вы оцениваете ее сегодняшнее состояние и реформы? В период реформ, как правило, особенно уязвимы гуманитарные науки, и именно они первыми попадают под нож «новой инквизиции».

– Основная моя работа – это руководство журналом, потому что Президиум РАН утверждает в должности две категории руководителей – директоров институтов и главных редакторов. Бывают разовые поручения, как, например, участие в работе различных комиссий или делегаций. Кстати, я еще не работал в РАН, но был включен в ее официальную делегацию по восстановлению научных связей с Академией наук Китая после того, как политика Мао Цзэдуна сменилась новой политикой – Ден Сяопина. Для меня ценно и то, что решением Президиума РАН я удостоен звания лауреата премии им. М. М. Ковалевского.

Что же касается реформ, которые сейчас проводятся в РАН, то я очень скептически отношусь к той поспешности, с которой принимались решения. Я далек от той позиции, что в прежней РАН все делалось и решалось правильно и эффективно. Считаю, что руководство допустило ряд грубых ошибок в управлении наукой. Но это еще не повод так обращаться с сотнями тысяч научных сотрудников и фактически отстранять их от участия в работе. А результат таков – академия фактически превращена в клуб ученых, которые могут обсуждать, но не решать проблемы.

– Не могу не затронуть проблему высшего образования, социологического в частности. Вы лично многое сделали для окончательной институционализации социологии, обоснования необходимости открытия социологических факультетов, отделений, кафедр, советов по защите диссертаций по социологическим наукам, даже предложили свой вариант перечня специальностей. Что Вас сегодня не устраивает и что бы Вы изменили в действующей системе подготовки профессиональных социологов? Как Вам представляется, насколько конкурентоспособны выпускники нашей высшей школы в сравнении с западными коллегами?

– В нашем обществе, как и вообще в мире, назрела потребность в реформе образования. Но это делается весьма поспешно и непродуктивно. Сам я учился в двухкомплектной начальной школе (это когда в начальной школе учитель вел сразу два класса: 1-й и 3-й или 2-й и 4-й, поскольку учеников в каждом классе было не больше десяти – для деревень это было вполне нормально). А сейчас при политике укрупнения сел четко сложилась ситуация, приводящая к ярко обозначившемуся феномену: нет школы – нет деревни.

Если говорить о всей системе образования, то я слышал от немецких коллег сетования на то, что в наших странах сложилась российско-немецкая традиция, которая за 300 лет существования показала свою эффективность. Примером этого

может быть и советское образование, которое вывело страну на передовые рубежи. Вот немцы и спрашивают: зачем нам отказываться от этих традиций? Кстати, многие немецкие вузы (как и французские) не перешли на Болонскую систему – там действуют сложившиеся веками методы обучения и образования.

Что касается социологического образования, то внешние показатели достаточно радужны: в вузах России функционирует более 300 кафедр социологии, почти в 110 университетах ведется подготовка социологов. Выпускники в основном идут на практическую работу – в маркетинговые и PR-компании, в службы социологических исследований министерств, ведомств, политических и общественных организаций, в СМИ. На мой взгляд, в национальной экономике, культуре и образовании сложилась такая ситуация, когда социолог «в чистом виде» как таковой не нужен – в его деятельности необходимы знания и других наук. Вот почему популярно получение второго образования, различные формы повышения квалификации. Идет поиск профилей подготовки, которые в большей мере соответствуют потребностям общества.

– Уважаемый Жан Терентьевич, Вы постоянный участник многих мировых социологических форумов. Куда, с Вашей точки зрения, эволюционирует мировое социологическое сообщество, и как Вы оцениваете развитие социологии в последнюю четверть века на постсоветском пространстве, в мире в целом? В каких областях социологического знания есть очевидный прогресс, а где, по-вашему, мы потеряли даже то, что имели?

– В мировой и отечественной социологии происходят неоднозначные процессы. С одной стороны, социологи ищут ответы не просто для решения сложных проблем – они пытаются найти ответы на вызовы времени, найти такие подходы и методы решения, которые отвечали бы стратегии научного и практического поиска. Обратите внимание на темы последних мировых социологических конгрессов: четыре года назад обсуждались проблемы турбулентности развития, а в 2014 г. в Японии коренной проблемой стало доверие. Последний, IV, Всероссийский социологический конгресс был посвящен проблемам управляемости с учетом региональных, этнонациональных, территориальных и даже климатических особенностей. Сейчас интересное многоаспектное исследование состояния модернизации российских регионов заканчивает мой коллега Н. И. Лапин с членами своей команды в 26 областях, республиках и краях России. Это исследование позволило в комплексе охарактеризовать как технико-экономические, так и социально-культурные показатели и выявить проблемные места в развитии регионов.

К сожалению, ушла в прошлое так называемая «заводская» социология, которая представляет собой замечательную страницу в нашей сфере, ведь в ней наглядно сочетались как научные, так и прикладные проблемы. Ведь недаром из этой социологии вышли многие ученые, занимающие достойное место в науке наших стран.

– В заключение не могу не спросить Ваше мнение о родной и для Вас Беларуси. Что бы Вам хотелось сказать нашим читателям?..

– Из всех источников информации я всегда выделяю те, которые характеризуют жизнь в Беларуси. И это не только социальные или культурные вопросы. Меня интересует буквально все – и экономика, и наука, и политика, и ее взаимоотношения с другими странами. Я с сыновьями проехал по родным местам моих дедов. Проезжая по дороге Витебск – Гомель, мы видели приведенные в порядок деревни, засеянные поля. Мое внимание привлекло большое количество полей, засеянных кукурузой. Вероятно, отсюда и дешевое белорусское молоко и другие молочные продукты, что вызывает недовольство, ворчание и даже попытки ограничения товаров белорусских производителей на российском рынке. Не иначе как завидуют или хотят потеснить более успешных руководителей на этом участке сельского хозяйства. Мне доставляет удовольствие констатировать, что, несмотря на все трудности, сложности, перипетии, Беларусь развивается успешнее, чем многие бывшие союзные республики, ставшие независимыми государствами. Успехов тебе, Беларусь!

– Благодарю Вас, дорогой Жан Терентьевич, за интересную беседу и обстоятельные ответы на все вопросы. Примите еще раз самые искренние поздравления с юбилеем и пожелания здоровья, счастья и, конечно, новых статей и книг.